

«На этом месте в августе 1854 г. стояла батарея № 2, «Кошечная», отразившая нападение трех фрегатов англо-французской эскадры. Командир батареи – князь Дмитрий Петрович Максutow, лейтенант 47-го флотского экипажа. Прислуга – 127 человек, 11 орудий», – такой текст написан под цветной картиной на мемориальной доске, которая будет установлена 29 июля этого года в 11 часов на здании морского вокзала.

Это итог большой работы множества неравнодушных людей. И в первую очередь – члена Русского географического и военно-исторического обществ камчатского краеведа Натальи Сергеевны Киселевой. Именно ее идея была положена в основу этого памятного знака. Художник, цветная репродукция картины которого использована в оформлении мемориальной доски, – Игорь Петрович Пшеничный, бывший военнослужащий из города Вилучинска, ныне живущий в Санкт-Петербурге. Изготовлена мемориальная доска в городе Владивостоке предприятием «Камни», расходы на ее изготовление взял на себя Петропавловский филиал ФГУП «Росморпорт» под руководством директора Сергея Мажирина.

Накануне Дня Военно-морского флота и в связи с открытием еще одного памятного знака в нашем городе непременно следует вспомнить о событиях многолетней давности.

В нашей рубрике «Уроки истории» предлагаем вашему вниманию фрагмент книги «Морские битвы России XVIII–XX веков» Виталия Дмитриевича Доценко, известного военно-морского историка, кандидата исторических наук, профессора, капитана 1 ранга (1989), академика Петербургской академии истории науки и техники, действительного члена Русского географического общества, члена совета Ассоциации офицеров Российского флота.

Подвиг братьев Максutowых

Крымская война началась в октябре 1853 года, но на Камчатке о ней узнали только в июле следующего года, да и то из частного письма американского консула в Гонолулу.

Прибывший в 1850 году новый военный губернатор и командир Петропавловского порта генерал-майор Василий Степанович Завойко предпринял ряд мер по укреплению как Камчатского полуострова в целом, так и порта. Военные приготовления заключались в основном в возведении береговых батарей. Над местностью возвышались Сигнальная и Никольская горы.

На оконечности Сигнальной горы установили батарею № 1 с пятью пушками, для устройства которой потребовались большие усилия: местность оказалась каменистой и труднодоступной. Командиром Завойко назначил лейтенанта Петра Федоровича Гаврилова.

На перешейке между Сигнальной и Никольской горами расположили батарею № 3 с пятью орудиями с фрегата «Аврора». Батарея играла большую роль в защите города и порта, но была слабо защищена, так как находилась на совершенно открытом месте. Командовал ею доброволец с «Авроры» лейтенант князь Александр Петрович Максудов 1-й. Дальше на север стояла батарея № 7 с пятью пушками с «Авроры». Ею командовал капитан-лейтенант Василий Кондратьевич Коралов.

За перешейком, буквально за батареей № 3, Завойко поставил на шпринг «Аврору», 22 пушки левого борта которой были обращены в сторону моря. Рядом находился 10-пушечный транспорт «Двина»: на нем доставили в порт 350 линейных солдат, составивших основу гарнизона. Командовал транспортом капитан-лейтенант Васильев. Судно было вооружено десятью короткими 18-фунтовыми пушками. Пять пушек правого борта сняли для установки на батарее.

На противоположном берегу Сигнального мыса у Красного Яра установили трехпушечную батарею № 4 мичмана Попова, чуть дальше у входа в Петропавловскую губу на песчаной кошке – батарею № 2 лейтенанта князя Дмитрия Петровича Максудова 2-го, младшего брата Максудова 1-го. Эта батарея имела одиннадцать пушек и была лучшим и сильнейшим укреплением Петропавловского порта.

В глубине, прямо на берегу озера Култушное, расположили батарею № 6, установили четыре пушки с транспорта «Двина» и шесть старых маленьких пушек, оставленных кем-то в сараях Петропавловского порта. Батарея должна была прикрывать дорогу,

если бы противник попытался высадиться севернее и пойти на порт в обход Никольской горы. Командиром батареи назначили поручика Корпуса корабельных инженеров Гезехуса.

В порту находилась еще и батарея № 5, но ее в расчет не брали, так как из-за имевшихся пяти старых медных пушек стрелять было опасно. Следует отметить, что у защитников Петропавловска на пушку приходилось всего по 37 картузов. Вход в гавань прикрывался боными. В гарнизоне порта насчитывалось 42 офицера и 879 нижних чинов. В глубине гавани стояли гамбургский шлюп «Магдалина» и американский бриг «Ноубль».

«Спокойно прожили мы в Петропавловске до 17 августа, – вспоминал в своем дневнике один из офицеров «Авроры», – погода была большей частью хорошая, и время мы проводили довольно беспечно, хотя и много работали; но вот утром вышеозначенного дня с дальнего маяка у входа в Авачинскую губу сделали сигнал, что в море видно шесть военных судов. В городе ударили тревогу, и все собрались в назначенные места. Авроровской команды оставалось еще 60 человек больных, но с первым ударом боевой тревоги все они явились на службу и стали на свои места по расписанию наравне с здоровыми».

На фрегате «Аврора» священник отслужил молебен и окропил команду святой водой. Командир корабля капитан-лейтенант Иван Николаевич Изыльметьев напомнил команде о долге перед Отечеством. Часа через полтора на рейде Авачинской губы появился английский трехмачтовый пароход «Вилаго», под американским флагом. Едва к нему подошел вельбот со штурманским офицером Самохваловым, как пароход круто развернулся и ушел в море. На следующий день эскадра вошла на рейд. В ее состав входили английские 52-пушечный флагманский фрегат «Президент», 44-пушечный фрегат «Пик» и пароход «Вилаго» с шестью пушками; французские 60-пушечный адмиральский фрегат «Лафорт», 32-пушечный фрегат «Евредика» и 18-пушечный бриг «Облигадо». Всего на судах англо-французской эскадры было более двухсот пушек. После вялой перестрелки неприятельская эскадра стала на якорь и больше в этот день никаких действий не предпринимала.

Один из участников событий вспоминал: «Старший князь Максutow, командир батареи № 3, на перешейке решил, что настал благоприятный момент и дал выстрел, который, однако, не достиг цели. Под крики «Ура!» генерал Завойко, находившийся на батарее № 1 на Сигнальном мысу, открыл огонь и, говорят, что ядро попало в пароход; по крайней мере эскадра тут же повернула и бросила несколько бомб через 500-футовую

цепь холмов. Они упали около самого фрегата». Несколько выстрелов дали с батареи у Красного Яра.

Ночь прошла относительно спокойно. В середине следующего дня вдруг прошел слух, что английский контр-адмирал Прайс погиб из-за небрежного обращения с пистолетом. Некоторые утверждали, что причиной его гибели стал неудачный обстрел Петропавловска. Командование союзной эскадрой принял французский контр-адмирал де Пуант. Старшим над английскими кораблями стал капитан Николсон.

18 августа союзники захватили русский бот, шедший из Тариинской бухты в Петропавловский порт. Старший на боте унтер-офицер Усов сначала принял союзную эскадру за корабли адмирала Путятина и направился в Авачинскую губу мимо стоявших на рейде судов. Когда он увидел неприятельские флаги, уходить было поздно.

Главные события начались утром 20 августа. Английский пароход взял на буксир парусные фрегаты и подвел их прямо к батарее № 1. Сражение началось ровно в девять часов. Когда неприятельские фрегаты выстроились в линию, первый выстрел раздался с батареи Красного Яра (№ 4). Затем в течение полутора часов русские на равных дрались с имевшим 80 орудий противником. На батарее № 1 от близких разрывов платформы и станки орудий засыпало камнями и землей выше колес. Был ранен в голову и ногу командир батареи лейтенант Гаврилов. Находившийся на Сигнальной горе Завойко сразу же заменил его подпоручиком Губаревым. В это время неприятель высадил десант на отлогий берег мыса Кислая Яма. Командир батареи № 4 мичман Попов, видя явное превосходство противника в силах, заклепал орудия, спрятал оставшийся порох и отступил к городу. Французы высадились на берег и ворвались на батарею, а с английского парохода по ошибке дали по ним полный залп. Затем по французам открыли огонь с «Авроры» и «Двины». Не выдержав меткого огня, противник отступил.

Подавив батареи № 1 и № 4, противник весь огонь перенес на батарею № 2 князя МаксUTOва. Генерал-майор Завойко в донесении к императору писал, что «...этот офицер своим хладнокровием и мужеством оказал при первой атаке неоценимую услугу нашему делу. Когда батарею осыпали ядрами, он своим подчиненным подавал пример неустрашимости и ободрял их. Он стрелял метко, даром не тратя пороха. Усилия трех фрегатов и парохода не привели неприятеля в течение шести с половиной часов ни к каким результатам». Очевидец этих событий мичман Николай Алексеевич Фесун рассказывал: «Ядра бороздят во всех направлениях, бомбы разрываются над батареей, защитники ее холодны и тверды. Весело балагуря, они не обращают внимания на сотни

смертей, носящихся над их головами. Они выжидают своего времени. Когда неприятель действовал на дальнем расстоянии, наша батарея была молчалива и спокойна; временами острое словцо возбуждало смех. Командир батареи князь Максutow не горячился, не тратил даром пороху, но когда раздосадованный неприятель подтягивался ближе, раздавался громкий голос князя Дмитрия Петровича: «...вторая!.. третья!..» Взвился дымок и можно быть уверенным, что ядро не пролетело мимо неприятеля. Не обходилось без потерь. От времени до времени появлялись окровавленные носилки, все творили знамение креста: несут храброго воина, верно исполнившего свой долг. Надолго останется в памяти бывших свидетелей прекрасное действие батареи № 2. Князь Максutow до того приучил своих людей к хладнокровию, что, когда против их действовали только бомбами, и из наших орудий нельзя было отвечать, кантоницы, мальчики от двенадцати до четырнадцати лет, служившие при подаче зарядов, забавлялись, пуская на воду кораблики».

В ходе боя под сильнейшим огнем мичман Фесун доставлял с фрегата «Аврора» для батареи Максutowа порох и ядра. В начале седьмого часа неприятель прекратил бой с батареей Максutowа, отойдя на место якорной стоянки.

Пока шла канонада у входа в Авачинскую губу, фрегат «Евредика» и бриг «Облигадо» дважды подходили к батарее № 3 в надежде высадить десант, но обе попытки были безуспешными, причем русским удалось потопить одну шлюпку.

На следующий день союзники хоронили своего адмирала на берегу Тариинской бухты.

В тот же день они отпустили шлюпку с Усовым, его женой и двумя детьми, который сообщил, что в адмиральский корабль «Лафорт» попали ядра, а от разрыва их собственной пушки погибло одиннадцать французов. Следующие два дня прошли спокойно. Противник со шлюпок производил промеры. В воскресенье, 22 августа, на батарее была найдена английская матросская сабля – первый боевой трофей.

Новый штурм Петропавловска начался утром 24 августа. Погода была хорошая: на море – полный штиль, небо безоблачное, поднимался легкий утренний бриз. В четыре часа утра на союзной эскадре наблюдались приготовления. Завойко обошел суда, побывал на некоторых батареях, и везде слышал одно: «Умрем, а не сдадимся!» Едва рассеялась утренняя дымка, как пароход «Вилаго» начал буксировать фрегаты «Лафорт» и «Президент» к берегу. На траверзе батареи № 3 стал на шпринг «Лафорт», а

«Президент» и «Вираго» стали против батареи № 7. Первой огонь открыла батарея на перешейке, причем одним из выстрелов сбила флаг на «Президенте» – дурное предзнаменование для суеверных англичан. Тридцать орудий «Лафорта» обрушили массу огня на батарею МаксUTOва 1-го. Вначале батарея была без промаха. Но затем преимущество противника в силе огня дало знать о себе. Увидев, как рядом падают убитые, прислуга растерялась. Тогда командир батареи Александр МаксUTOв сам бросился к пушке и стал из нее палить по неприятелю. Это ободрило артиллеристов, и они вернулись к пушкам. МаксUTOв же стрелял до тех пор, пока не упал с оторванной рукой. Только после этого французы подавили его батарею.

«Президент» и «Вираго» подавили батарею № 7, затем началась высадка десанта, который, однако, к полудню русские сбросили в море. Если при отражении первого штурма защитники Петропавловска потеряли всего шесть человек убитыми и тринадцать ранеными, то в этот день убитых и раненых было около ста человек.

На следующий день неприятель хоронил убитых. Их оказалось более 50 человек. К вечеру союзная эскадра покинула район, так и не решив задач, ради которых здесь появилась.

Очевидец этих событий юнкер с фрегата «Аврора» Николай Орурк так описал последний день: «Пятница, 27 августа. Ночь прошла спокойно, около шести часов утра у нас пробили тревогу. Говорили, что неприятель поднимает якоря и собирается возобновить наступление на нас. Велико же было наше удивление, когда мы увидели, что корабли, подняв паруса, один за другим медленно и в полном порядке стали двигаться к выходу из бухты. В восемь часов вся эскадра покинула залив. Долго еще мы стояли на своих местах, не смея верить своим глазам, даже и тогда еще, когда эскадра совсем скрылась из вида на горизонте. Мы все еще ожидали, что она повернет обратно, чтобы неожиданно для нас произвести новое наступление. Но она исчезла безвозвратно. И, слава Богу, ибо остаться в живых все-таки лучше, чем умереть. Этому обстоятельству мы тем более были рады, что после нашей блестящей победы мы заслужили славу и могли ожидать награды, которая порадует не только нас как участников дела, но и всех наших: отцов, матерей, родных и друзей».

С донесением об отражении англо-французской эскадры от Петропавловска к императору Завойко послал лейтенанта князя Дмитрия Петровича МаксUTOва. Он повез с собой в Петербург и захваченный в сражении английский флаг. Император Николай I был тронут мужеством защитников Петропавловска, сумевших отбить неприятеля с 212 орудиями при 67 пушках. Он лично вручил МаксUTOву орден Святого Георгия 4-й

степени и произвел его в капитан-лейтенанты. Дмитрий Петрович оказался также и в общих списках лиц, представленных к награждению, и, как и все офицеры, получил еще орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. Этот славный офицер дослужился до чина контр-адмирала, стал кавалером орденов Святого Станислава 2-й степени и Святой Анны 2-й степени.

Третий брат – Павел Петрович Максutow воевал на Черном море. В Синопском сражении он находился на линейном корабле «Париж»: был флаг-офицером у контр-адмирала Новосильского. За сражение получил орден Святого Владимира 4-й степени с бантом и годовой оклад жалованья. В ходе обороны Севастополя был несколько раз ранен. За храбрость произведен в капитан-лейтенанты, награжден орденами Святой Анны 3-й степени с бантом, таким же орденом 2-й степени и золотым оружием с надписью «За храбрость». Ему было Высочайше разрешено вследствие полученных ранений вместо шляпы носить фуражку и ходить с тростью. Павел Петрович, как и брат, дослужился до контр-адмирала.

10 сентября скончался лейтенант князь Александр Петрович Максutow. Когда священник его причащал, герой сказал: «Слава Богу! У меня еще осталась правая рука, чтобы перекреститься». Имя этого офицера было выбито на мраморной доске в церкви Морского корпуса. Его сослуживец Орурк писал: «Поразительное бывает у некоторых людей предчувствие, указывающее ожидающую их смерть или великую беду. Так случилось и с князем Максutowым, который вечером накануне сражения в глубокой задумчивости сидел на своей батарее. Он часто думал о своей смерти и, между прочим, говорил о ней со мной. Пал он героем и особенное присутствие духа показал, когда ему пилили кость раздробленной руки. Ни звука не издал, он только сжимал губы и перекусил сигару, которую держал в зубах. Как только появлялся кто-нибудь с фрегата, он намеренно говорил: «Молодцы наши авроровцы!»

Сослуживец князя Максutowа гардемарин Г. Токарев так описывал последние дни жизни этого храброго офицера: «По отступлении неприятеля жители воротились в свои дома; через неделю жизнь в Петропавловске потекла своею обычною чередой. Легко раненые в деле быстро поправлялись, тяжело раненые подавали надежды. Оба раненые наши офицеры – инженер Муровинский и лейтенант князь Максutow – находились еще в опасном положении, но раны их принимали, впрочем, довольно удовлетворительный вид. Их из госпиталя перенесли в новопостроенный дом, где впоследствии помещалась наша береговая кают-компания. Тут ухаживали за ними со всевозможным старанием. Сколько раз посещал я князя и просиживал у постели его по несколько часов. Помню еще, как просил он меня придти к нему читать «Мертвые души», когда ему будет лучше. Но Бог судил иное, и любимый всеми офицер наш тихо и безмятежно покоем теперь под крестом на Петропавловском кладбище. Вскоре после

переноса Муровинского и князя МаксUTOва пошли дожди, и так как дом был совершенно новый, то сырость проникала в него. Раненые наши простудились. Около пяти дней князь мучился горячкой и, наконец, 10-го сентября смерть прекратила его страшные страдания. С оторванной рукой он едва мог шевелиться, лежа на спине, разбитой при падении в ров, вырытый за батареей, и к этому всему горячка. Это было выше сил его, и, в то время как при мне в аптеке ему готовили мускусовые порошки, прибежали сказать, что князь уже скончался. Выздоровливающего Муровинского перевезли тотчас в дом старшего доктора порта, и к вечеру того же дня мы уже стояли со свечами в руках на первой панихиде за упокой души павшего на брани князя Александра. Грустно было смотреть нам на спокойное бледное улыбающееся лицо покойника. Нет и не будет его более между нами. Что ожидает каждого из нас впереди? 12-го числа вечером было положение в гроб, и тело перенесено в церковь.

13-го числа началась заупокойная обедня и потом отпевание. Церковь не помещала желавших отдать последний долг храброму воину».

За Петропавловский бой все офицеры получили следующие чины и орден Святого Владимира 4-й степени с бантом, командиры «Авроры» и «Двины» – такой же орден, но 3-й степени. Генерал-майор Завойко был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени и переименован в контр-адмиралы».

Справка «В»

Дмитрий Петрович МаксUTOв родился в 1832 году в семье надворного советника в г. Пермь. В 8 лет поступил в Морской кадетский корпус, по окончании его стал гардемаринoм. В 1851 произведен в лейтенанты с назначением в 46-й Амурский экипаж и выехал через Сибирь на Дальний Восток. В середине июня 1854 года прибыл в Петропавловск с целью участия в обороне Петропавловска.

В 1859 году князь Дмитрий поступает на службу в Российско-американскую компанию и отправляется на Аляску. Там он сначала был помощником главного правителя Русской Америки, а затем – последним главным правителем колоний.

Весть о продаже Аляски дошла туда лишь в мае 1867 года. Для обитателей Русской Америки новость была и горькой, и неожиданной, по словам очевидцев, Дмитрий Петрович Максutow, узнав о принятом решении, «пришел в бешенство». В соответствии с договором между Россией и США 6 октября 1867 года состоялась церемония спуска российского и подъема американского флагов. Официальный протокол о передаче Русской Америки был подписан 14 октября 1867 года. Максutow оставался на Аляске еще год, исполняя обязанности русского консула в Ситке (бывший Ново-Архангельск) и занимаясь организацией отправки в Россию соотечественников. После возвращения на родину 30 апреля 1869 года служил на коммерческих судах. 17 мая 1882 произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы.

Умер в 1889 году в Санкт-Петербурге, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Братья Максutowы – Александр, Павел и Дмитрий – принимали участие в Крымской войне. Павел воевал на Черном море и в Синопском сражении находился на линейном корабле «Париж»: был флаг-офицером у контр-адмирала Новосильского.

Сын Дмитрия Максutowа от второго брака Димитрий, тоже морской офицер, после революции жил в Нью-Йорке, ходил в качестве капитана на коммерческих судах. Сейчас в Америке живет его сын.

Внук Дмитрия Петровича – Дмитрий Дмитриевич Максutow – стал крупнейшим специалистом в области астрономической оптики, за свои научные открытия дважды удостоен Сталинской премии и избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, изобрел оптическую систему, которая в настоящее время широко используется в телескопостроении. Правнук последнего правителя Русской Америки священник Дмитрий Александров тоже живет в Америке.